

ИДЕИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЭТНОПОЛИТИКИ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А.В. Савинов

Сибирский институт управления –
филиал РАНХиГС

savinov@sapa.nak.su

Статья посвящена сравнительному анализу идеологии и практики этнополитики в Западной Европе на примере Франции, Испании и Бельгии. Предлагается авторское понимание сущности, содержания и специфики этнополитики в Западной Европе, основанной на исторических традициях и цивилизационных особенностях европейских стран. Выделяются модели и особенности европейской этнополитики. Обращается внимание на инструментальный характер управления межэтническими отношениями в Европе.

Ключевые слова: Европа, этнополитика, этнополитические процессы.

Продолжая сравнительный анализ этнополитики зарубежных стран, обратимся к опыту европейского континента¹. Отметим, что Европа – многосоставный объект для предложенного исследования, что является одновременно и фактором актуализации проблемы, и фактором усложнения описательной и аналитической работы исследователя.

Этнополитическая мозаичность западноевропейских стран требует широкого использования в нашем анализе сравнительного подхода и исследовательской программы, построенной от общего к частному. Поэтому в качестве

основной задачи следует определить выделение общее (европейское), особенное (западно-европейское) и уникальное (национальное) в широком спектре практической этнополитики, реализуемой в странах Европы. Другой задачей является определение возможностей и ограничений в заимствовании европейского опыта формирования этнополитики как системы легитимации гражданской нации, управления межэтническими отношениями и поддержки культурного многообразия, то есть того, что «составляет специфику западно-европейского опыта в данной сфере, которая делает его в высшей степени ценным и для теоретического понимания общих закономерностей современного этнополитического феномена,

¹ См.: Савинов А.В. Национальный вопрос в Турции // Федерализм. – 2012. – № 2. – С. 135–146; Савинов А.В. Национальный вопрос в Китае: эволюция политики и права // Право и политика. – 2009. – № 1 (109). – С. 44–55.

и для выбора практических подходов к этнонациональным проблемам»².

Согласно мнению американского политолога Д. Дж. Элейзера, сравнительный анализ позволяет: 1) лучше понимать самих себя; 2) использовать опыт других народов, сталкивающихся с теми же или аналогичными проблемами; 3) располагать большим объемом информации, обеспечивающим возможность более глубокого проникновения в предмет; 4) совместно со специалистами из других стран разрабатывать теоретические вопросы, что благотворным образом сказывается на работе каждого из них³.

Сравнительные исследования этнополитики затрагивают несколько важнейших аспектов данной сферы социально-политической реальности: 1) теорию (идеи и идеологии); 2) институциональный базис; 3) конституции и законодательство; 4) структурно-организационные основы; 5) управленческую модель; 6) политическую культуру.

Отталкиваясь от представленных возможностей компаративистского подхода, попытаемся понять сущность, содержание, генезис и специфику этнополитики европейских государств на примере Франции, Бельгии и Испании. Вместе с тем в рамки исследования включены уникальные и значимые примеры других европейских государств.

Этнополитика современного государства включает решение трех базовых задач – «вопросов большой повестки этнополитики»: формирование гражданской

² Нарочницкая Е.А. Этнические конфликты и государство в западноевропейских демократиях // Актуальные проблемы Европы. – 2000. – № 3. – С. 119.

³ См.: Элейзер Д. Дж. Сравнительный федерализм // Полис. – 1995. – № 5. – С. 108.

политической нации в условиях многосоставного общества, всестороннее развитие этнического большинства и этнических меньшинств (в большей степени внутренних или коренных), в том числе социальной интеграции мигрантов (внешних этнокультурных меньшинств), и поддержание межэтнического согласия и мира.

Указанные задачи связаны с определением соотношения разных идентичностей: гражданского и этнического. Эти идентичности могут дополнять друг друга, могут вытеснять друг друга, могут конфликтовать друг с другом и т. д. И «совершенно очевидно, что в формировании идентичностей – страновой, гражданской, этнической, локальной – важную роль играет система идей, идеалов, ценностей⁴, господствующих в обществе и формируемых элитами и государством через систему образования, СМИ, символы, образы⁵. Стремление же Европы преодолеть извечную привязанность к привычной национальной идентичности и обрести новую идентичность, по мнению некоторых исследователей, очевидно⁶. Однако не всегда очевидное возможно в условиях европейских реалий, так как конкуренция идей и идеалов гражданского и этнокультурного все еще очень актуальна. Подтверждение данной тенденции можно найти и в

⁴ Erikson E. Psychosocial Identity // A Way of Looking at Things / Selector Papers / Ed. by S. Schlein. – N.Y.: W. W. Norton & Company, 1985.

⁵ Дробижина Л.М. Российская идентичность и толерантность межэтнических отношений: опыт 20 лет реформ // Актуальные проблемы Европы. – 2012. – № 2. – С. 34.

⁶ См., например: Напс М.Б. Европейский взгляд на проблему защиты этнонациональных интересов и национальной идентичности: к вопросу о продвижении коллективных прав этнических общностей // Современное право. – 2009. – № 6. – С. 123.

работах европейских политологов. Так, А. Мартинелли, говоря о необходимости нового определения идентичности и наличия у граждан ЕС выбора между разными идентичностями (город, регион, народ, наднациональная единица), замечает, что «признание множества культурных идентичностей в рамках единого государства может дестабилизировать национальное единство... Поэтому, хотя политическое объединение Европы нужно строить вокруг понятия единства, проистекающего из разнообразия и множественного гражданства, в ходе строительства следует развивать и элементы традиционных национальностей, совместимые с мультикультурной наднациональной моделью»⁷. Таким образом, речь идет лишь о допустимости элементов национальной идентичности⁸.

При этом содержание и модели этнополитики во многом определяются историческими условиями и социокультурной базисом общества и ее современными социально-политическими и экономическими реалиями, то есть особенностями и спецификой социального пространства и времени. Вместе с тем по отношению к сегодняшним западно-европейским обществам необходимо говорить о контекстуальности и пластичности этнополитики в условиях устойчивой демократии и развитой политической культуры. Именно высокие стандарты демократии и либерально-демократическая тради-

ция позволили Европе достаточно долго поддерживать этнополитическое спокойствие в условиях этнического многообразия, усиления миграционных процессов и «взрыва» этничности в 1960–1970-х годах прошлого века.

Успех европейского варианта этнополитики обусловлен и цивилизационными особенностями европейской ментальности (зримо отличительной как от азиатской, так и евразийской), в основе которой лежат индивидуализм, рационализм, секуляризм. Не менее важен фактор технократического и информационного развития Европы, уже давно успешно сформировавший общество потребления и где люди как этнофоры в своем большинстве живут в условиях урбанизированной и комфортной повседневности.

Однако количественные изменения в этнической структуре населения европейских государств привели в начале XXI века к качественным изменениям в содержании и характере межэтнических отношений. Сегодня европейские этнополитические реалии требуют самого пристального внимания к новым вызовам этничности и предполагают как минимум общественного консенсуса в понимании новой повестки этнополитики.

Красной нитью через этнополитическую историю любого европейского государства проходит идея нации как политико-идеологического и правового обоснования демократии нового времени⁹. На заре европейской демократии в эпоху Великой французской революции

⁷ Мартинелли А. Рынки, правительства, сообщества и глобальное управление (доклад XV конгрессу. Часть II) // Социс. – 2003. – № 3. – С. 21, 26.

⁸ Данный подход нашел отражение в Конституции ЕС (Договоре о введении Конституции для Единой Европы), направленной на построение совместного будущего и достижение общих для народов Европы целей.

⁹ См. подробнее о сущности и содержании нации и национализма в европейской политической традиции: Малахов В. Национализм как политическая идеология: учеб. пособие. – М.: КДУ, 2005. – 320 с.

идея нации воплотилась в трех базовых концептах (идеях):

– в санктюлотской концепции народного суверенитета, где нация трактовалась как своего рода юридическое лицо, представляющее сообщество индивидов, чья жизнь регулируется одними и теми же законами, источником суверенитета при установлении которых оно является;

– в робеспьеровском понимании нации как сообществе патриотов, борющихся за свободу, выражающем себя в некотором духовном единстве на основе стремления к достижению прогресса в человеческой истории;

– в трактовке нации в аспекте территориально-этнических измерений, включая теорию естественных границ Ж. Дантона и Л. Карно.

В дальнейшем концептуальные основания (идеалы) национальных идеологий в Европе стали, прежде всего, выражать такое понимание природы нации, которая может интерпретироваться:

– в политической общности и социальной солидарности граждан единого государства (либеральная традиция);

– в качестве социальной общности, складывающейся на основе единых экономических условий жизни людей, территории, языка и определенных черт духовной культуры (марксистская традиция);

– в культурной общности, интегрируемой политическими событиями и институтами (М. Вебер);

– в воплощении «национального духа», подкрепляемого культурными нормами, ценностями и символами (Дж. Бренд);

– как народ, которому ниспослано божественное откровение (исламская традиция), и т. д.

Таким образом, национализм необходимо определять, с одной стороны, как идеологию и политическую практику построения гражданской нации, с другой – как идеологию и политическую практику этноцентризма. В первом случае – это гражданский, во втором – этнический (культурный) национализм. Этнонационализм всегда требует совпадения этнического с политическим, экономическим, культурным и т. д.

В самом широком понимании национализм предстает как «политическая идеология, в которой “нация”, понимаемая в качестве культурно гомогенного сообщества, выступает источником суверенитета, преимущественным объектом лояльности и предельным основанием легитимности власти»¹⁰.

Кроме того, этнополитика на европейском континенте претерпевает значительные и во многом фундаментальные изменения как в сущностном содержании, так и в формах ее реализации. Наблюдается два разнонаправленных тренда:

– объединительный (позитивный) в рамках европейской интеграции, в результате которого формируется новая наднациональная (трансгосударственная) идентичность – граждане Европейского Союза. При этом стираются национальные (гражданские) идентичности европейских государств. Для основоположников Маастрихтского договора в 1992 году происходит естественное замещение национальной идентичности на общеевропейскую. Молодые же члены Европейского союза искусственно форсируют формирование чувства принадлежности к Большой Европе, при этом осознанно нивелируя собственную нацио-

¹⁰ Там же. – С. 39.

нальную идентичность. Ярким примером служат страны Восточной Европы и Прибалтики;

– разъединительный (конфликтный) на фоне нового этнического ренессанса, формирующийся на волне этнонационалистических настроений как ответ на миграционные процессы, и сепаратистских тенденций, которые не обошли практически ни одно европейское государство.

В любом случае происходит существенное усложнение этнополитических процессов. И основная сложность связана с эрозией классической европейской нации – гражданского сообщества, основанного на социальной солидарности и доверии граждан в границах единого государства. Можно добавить, что в настоящее время в Европе нации находятся под серьезным давлением с двух сторон: национальная идентичность стирается в результате объединительных (внешних) и разъединительных (внутренних) процессов. Среди последних можно перечислить каталонскую, баскскую, ольстерскую, корсиканскую, валлоно-фламандскую и другие проблемы. На этом фоне зримо нарастает новая этническая революция, новый этнический ренессанс. Во многом подтверждаются слова П. Брасса о том, что «этническое самосознание должно рассматриваться не как нечто навечно застывшее, а как изменчивый феномен, подверженный переменам в зависимости от контекста и обстоятельств»¹¹.

О глобальной значимости указанных направлений этнополитических процессов указывает и известный американский неоконсерватор и политолог Патрик Бью-

кенен¹². В его интерпретации разнонаправленные тренды имеют в большей степени националистический характер (и в гражданском, и культурном понимании) и воспринимаются как важные из фундаментальные силы, которые двигаются тектоническими плитами и угрожают существованию национальных государств сверху и снизу.

К этим силам, во-первых, относятся этнонационализм, угрожающий нациям отделением и распадом. В качестве примера П. Бьюкенен приводит ситуацию с уйгурами в Китае, нагами в Индии, белуджами в Иране и Пакистане, курдами в Иране, Сирии, Ираке и Турции, чеченцами в России и валлонами в Бельгии. Во-вторых, транснационализм. Этот проект глобальных элит имеет целью редуцировать, по мнению американского автора, нации до масштаба этнокультурных анклавов под эгидой нового мирового порядка, подконтрольного безродным бюрократам.

По мнению П. Бьюкенена, экономический (финансовый) европейский кризис может привести к распаду ЕС не только по национальным (политическим), но и этническим границам: «Учитывая проблемы Европейского Монетарного Союза и ЕС, а эти организации не могут похвастаться народной любовью или лояльностью, какую люди обычно испытывают к своей Родине, великое разъединение Европы может быть не за горами. ... Многие предсказывали, что экономический национализм в

¹¹ Ethnic groups and the state / Ed. By Brass P. – L. ets., 1985. – P. 23.

¹² См.: Buchanan P.J. Will the PIGS Blow Up Europe? // Режим доступа: <http://buchanan.org/blog/will-the-pigs-blow-up-europe-4069>. Заметим игру слов в названии статьи. PIGS – Португалия, Италия, Греция и Испания – это страны, которые имеют наибольшие экономические проблемы в ЕС.

один прекрасный день разорвет Европейский Союз на части. Этот час уже может быть близок»¹³.

Однако в Западной Европе этнополитические конфликты носят, на наш взгляд, больше представительский, нежели сущностный характер, и этнические лозунги, как правило, используются для достижения политических целей и этнической мобилизации. Фактически реализуется инструментальная политика использования этничности как ресурса для достижения политических, экономических и культурных целей. Наблюдается актуализация социальных контекстов (уникальных для каждого отдельно взятого европейского государства), в которых различные участники (акторы, которые в большей степени выступают этнополитическими антрепренерами) политического действия борются за контроль над социальными значениями этничности и нации.

В основе указанных противостояний лежит, как правило, стремление к получению различных выгод и преференций конкурирующими политическими элитами. Поэтому этнополитические противоречия в современной Европе необходимо рассматривать как один из способов институционализации проявляющихся социальных противоречий, основанных на политических, социально-экономических и культурных реалиях.

Вместе с тем в основе европейских этнополитических проблем лежат не только современные процессы, связанные с континентальной интеграцией и миграционными процессами, но и старые проблемы внутригосударственных автоно-

мий, а также гражданской и культурной гомогенности государств. При этом идея этнокультурной однородности до сих пор отодвигает на второй план идею европейского эгалитаризма, то есть соблюдение равных прав этнических групп на политическое самоопределение и культурное развитие. По мнению многих экспертов, так называемые «особые национальные права» – право на участие в принятии решений или право на осуществление территориального самоуправления – все еще не реализованы в европейских государствах¹⁴.

Вместе с тем на европейском континенте как едином социальном пространстве многие этнически определенные явления и процессы крайне взаимосвязаны и взаимообусловлены. В условиях глобализации и регионализации этнополитические проблемы в одной отдельно взятой стране оказывают существенное влияние на общую этнополитическую ситуацию на континенте и детерминируют этнополитические процессы в других европейских государствах, в том числе и на постсоветском пространстве.

Заметим, что этнополитика в европейских странах традиционно была инсти-

¹⁴ Иммануил Валлерстайн, говоря о проблеме прав народов, подчеркивает, что до сих пор это был лишь вопрос предоставления прав тем или иным народам, *новым народам* (бывшим колониям, странам третьего мира и т. д.) Периодически, в зависимости от развития глобального либерализма, два движения – поиск *новых народов*, права которых должны быть утверждены, и требования, касающиеся *прав человека*, – то сходились, то расходились. После 1980-х годов они пошли разными, противоположными путями, и к концу 1990-х годов *права человека* стали противопоставляться правам *новых народов*. См.: Валлерстайн И.М. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – СПб., 2001.

¹³ Там же.

туализированной и ее базовые принципы закреплены на уровне международных (в том числе европейских) и национальных нормативно-правовых систем. Речь в основном идет о деятельности основных интернациональных институтов и международной нормативной базе в сфере защиты прав меньшинств: ООН, Совета Европы, ОБСЕ (Верховный комиссар по делам национальных меньшинств) и Европейского союза. Здесь необходимо обратить внимание на Рамочную конвенцию о защите прав меньшинств и Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств, а также механизмы мониторинга выполнения основных положений данных конвенций ратифицировавшими их государствами.

Однако опора на международные и общеевропейские документы не предполагает унитарности всей европейской этнополитики. Можно выделить как минимум три модели решения в Западной Европе так называемого «национального вопроса»:

– культурно-либеральную модель (пример Франции) – признание исключительно культурных прав. Франция, основанная на принципе «единой и неделимой» республики, вычеркнула из политического лексикона термин «этнические (культурные) меньшинства» и признает лишь термин «региональные языки и культуры»;

– политико-либеральную модель (пример Бельгии) – признание групповых прав на политическую автономию и широкую федерализацию. Согласно Конституции 1993 года, из трех этнокультурных сообществ (франкоязычного и фламандоязычного большинства, а также германоязычного меньшинства) и трех регионов (Вал-

лонии, Фландрии и Брюсселя) сформировано федеративное государство¹⁵;

– смешанную (форалистическую)¹⁶ модель (пример Испании) – частичное признание культурных и политических прав на основе двусторонних соглашений между центральным правительством и культурно отличительными регионами. Конституция Испании одновременно провозглашает «неразрывное единство испанской нации, общего и неделимого отечества испанцев» и «право на автономию национальностей и регионов, из которых оно состоит»¹⁷.

Вместе с тем некоторые так называемые младоевропейские государства из стран Восточной Европы и Прибалтики демонстрируют примеры нелиберальных моделей этнополитики – признания исключительных политических и иных прав по этническому признаку (например, Албания, Латвия и т. д.) Вообще, для сферы этнополитики не характерны чистые модели (по М. Веберу), так же как и этнополитические процессы не обязательно являются однонаправленными (по П. Штомпке) – для них более характер-

¹⁵ Однако опыт Бельгии многими экспертами воспринимается как неудачный. Сегодня уже сами жители Бельгии воспринимают распад страны как неизбежность в условиях постоянного политического кризиса. В 2010–2011 годах страна 535 дней жила без Правительства.

¹⁶ Fuero — старинный испанский закон, гарантирующий привилегии каких-то городов или регионов, т. е. речь идет о двусторонних соглашениях между центральным правительством и конкретными составными единицами государства (федерации).

¹⁷ При этом в конституции Испании не конкретизируется, о каких национальностях идет речь. См.: Payton Ph. Ethnicity in Western Europe today // Ethnicity and democratization in the new Europe. – P. 27.

ны нелинейные траектории развития (по Э. Паину¹⁸).

Опыт европейской этнополитики свидетельствует об актуальности в разные исторические периоды трех вариантов:

– монокультурализма как политики закрепления приоритетных прав за одной (как правило доминирующей) этнической группой¹⁹;

– поли(мульти)культурализма как политики признания и сохранения культурных различий и политического равенства этносов, основанной на государственных гарантиях и преференциях;

– интеркультурализма как новой политики по отношению к культурным меньшинствам, построенной на общественном согласии и солидарности снизу²⁰.

Несмотря на критику идей мультикультурализма, реальной альтернативы ей, похоже, нет. Отказ от культурной монополии большинства в пользу выравнивания статусного положения меньшинств сегодня чаще всего не достигает своей цели. Более того, «будучи призвана гармонизировать основы государственно-политического устройства и консолидировать сложное общество, данная мера подчас приводит к прямо противоположным результатам. Вместо ожидаемого сплочения происходит сегментация социальных структур по признаку групповой принадлежности; вместо прида-

ния дополнительной легитимности и прочности идее гражданской нации – еще большее “разрыхление” общенационального самосознания»²¹. При этом, по заключению актора, ортодоксально-поверхностное усвоение мультикультуралистской риторики лишь укрепляет этноцентристские предрассудки, придавая им видимость политкорректности.

Вообще, как указывает О.В. Гаман-Голутвина, особенностью мультикультурализма является разнообразие его теоретических интерпретаций и основанных на них управленческих практик. В данном контексте, по мнению автора, мультикультурализм рассматривается как политика интеграции выходцев из иных по отношению к социуму-реципиенту политий. Ключевыми принципами мультикультурализма предстают толерантность, признание равнозначности различных культур и равных прав их представителей на политическое и социальное участие при сохранении собственной идентичности мигрантов. Однако практические модели мультикультуральной политики были основаны как на различных установках, так и на разнящихся практических принципах²².

В любом случае одной из значимых отличительных особенностей этнополитики западно-европейских стран, по сравнению, например, с восточными государствами (в том числе и Российской Федерацией) является ее гражданская субъектность. Сами граждане и институты гражданского общества в значительной степени определяют

¹⁸ См.: Паин Э.А. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. – М.: Институт социологии РАН, 2004. – 328 с.

¹⁹ В истории отдельных европейских государств были периоды монокультурных моделей этнополитики, вплоть до геноцида (например, нацистская Германия).

²⁰ См.: Раттанси А. От мультикультурализма – к интеркультурализму. – Режим доступа: <http://dialogs.org.ua/ru/cross/page25865.html>.

²¹ Смирнов А.Н. Этничность и культурный плюрализм в контексте государственной политики // Полис. – 2005. – № 4. – С. 30.

²² См.: Гаман-Голутвина О.В. Проблема мультикультурализма в Европе // Вестник МГИМО-Университета. – 2011. – № 6. – С. 16–17.

сущность, содержание и специфику этнополитики того или иного европейского государства. Фактически этнополитика является элементом социально-политической системы, когда «политически полновластный народ (как правило, о нем говорят как о политически полновластном волей Божьей) заключает договор о формировании политического сообщества (*body politic*) или государства (*commonwealth*) и посредством этого или дополнительного договора учреждает всевозможные правительства и передает им столько власти, сколько считает нужным»²³.

В более широком географическом представлении этнополитику и этнополитические процессы в современном мире можно объединить в две группы:

– западные этнополитические системы (Западная Европа, США, Канада, Австралия) – сложившиеся государства с устойчивым этническим составом населения, развитой экономикой и правовой системой. Активизация этнических процессов здесь за некоторым исключением направлена преимущественно на возрождение (защиту) этнокультурной самобытности и регулируется на правовом уровне;

– восточные (постколониальные) этнополитические системы (страны Азии и Африки) – страны, которые пошли по пути модернизации, одним из аспектов которого является разрушение традиционного общества, а также создание современной экономики и развитых политических систем. Переход к стадии индустриального развития в этих странах осложнен высоким уровнем этнической и религиозной структурированности населения. Основной тенденцией этнополитики в

этой группе стран является сепаратизм и сепессионные тенденции²⁴;

– смешанные (переходные) этнополитические системы (Турция, Россия, страны Восточной Европы и Прибалтики) – общества, находящиеся в стадии различного рода социальных транзитов, главным образом на пути к демократии.

В первой группе можно выделить несколько тенденций. Характерной чертой большинства западно-европейских стран является сложная этническая самоидентификация населения, в которой просматривается влияние региональных субэтнических идентификаций. Например, во Франции к ним относятся такие идентичности, как бретонцы, провансальцы, гасконцы и др., которые во Франции называются локальными территориально-этническими группами. В последние десятилетия в этой стране наблюдается рост интереса к местным обычаям, диалектам, традициям, что отражается в популярности фольклорного искусства²⁵.

В Испании же этнополитическая специфика определяется значительной этнической разнородностью: наряду с этническим большинством – испанцами (73 % населения), в стране проживают каталонцы, баски, галисийцы и др. В связи с этим во многих провинциях распространен би-

²⁴ Сегодня принято трактовать право на политическое самоопределение вплоть до отделения как применимое лишь к территориям с явно колониальным статусом и «отчетливо отграниченным географически, исторически и культурно». См.: Нансо М.Б. Европейский взгляд на проблему защиты этнонациональных интересов и национальной идентичности: к вопросу о продвижении коллективных прав этнических общностей // Современное право. – 2009. – № 6. – С. 122–126.

²⁵ См.: Чем отличается этнополитический процесс от этнополитических процессов в других странах / А.В. Поляков и др. Россия в зеркале политологии. – М., 2001.

лингвизм и бикультурализм, основанные на территориально-культурной автономии. Примером может служить Баскония. Процесс автономизации испанских провинций в основном завершился с принятием ныне действующей Конституции 1978 года и привел к значительному снижению этноконфликтной обстановки: в частности, требования сепарации вообще были сняты в качестве политических лозунгов²⁶.

Наиболее сложная этнополитическая ситуация сложилась в Бельгии, основу населения которой составляют два народа – валлоны и фламандцы, использующие два государственных языка – французский и фламандский. Однако оба народа на протяжении долгого времени имели неравный статус: валлоны преобладали в руководстве страны, что объяснялось их высокоразвитой экономикой. В ответ на такую этнополитическую ситуацию произошел всплеск фламандского национализма. По мере выравнивания темпов экономического развития этих двух районов страны после Второй мировой войны стал формироваться и валлонский национализм, который рассматривал экономический и демографический рост фламандцев как ущемление собственных позиций. В результате Референдума 1985 г. и Конституции 1993 г. Бельгия была преобразована в федерацию с равноправным статусом Валлонии, Фландрии и Брюсселя.

Вместе с тем дезинтеграционные процессы в Европе не являются критическими и не имеют взрывоопасного потенциала. Это главным образом конструктивные конфликты распределения и/или перерас-

пределения власти и культурного капитала в условиях полиэтничного общества.

Во Франции, Испании и Бельгии между протестующими сторонами сохраняется довольно много точек соприкосновения, например, в отношении общих европейских ценностей. Современное состояние этнополитических конфликтов в указанных странах показывает, что европейские интеграционные процессы, призванные уменьшить значение государственных границ, изменив условия формирования и развития национальных (гражданских) и этнических (культурных) идентичностей, не означают автоматического предотвращения конфликтов с этнической составляющей.

Сегодня в Европейском союзе с целью сдерживания этнополитических конфликтов широко используются механизмы этнополитики, выстроенные на принципах субсидиарности (в том числе деволюции) и аккомодации.

Субсидиарность европейской этнополитики предполагает распределение полномочий между единой Европой, государствами, входящими в Союз, и их регионами. Принцип субсидиарности подразумевает, что управление осуществляется на возможно более низком уровне, когда это целесообразно. Однако европейский уровень выступает как дополнительный к национально-государственному. Вместе с тем этот принцип в настоящее время все еще не стал главенствующим для европейских стран. Принцип деволюции, по сути, является дополнительным механизмом передачи власти центральным правительством на региональный и/или местный (локальный) уровень.

Принцип аккомодации, в свою очередь, предполагает мягкое удовлетворение всех или части требований этнической группы

²⁶ Последние прецеденты сепараций в Европе относятся к началу XX в., когда из состава Швеции вышла Норвегия (1905) и Британия признала независимость Ирландии (1921).

либо действия, которые призваны устранить причины (ослабить мотивы) этнополитических движений и привести к изменению позиции их участников.

Этнополитический дизайн Западной Европы значительно усложнился в последние десятилетия. И это связано прежде всего с процессами децентрализации власти в странах – членах ЕС. При образовании Европейского союза (1992) в границах этого территориально-политического объединения насчитывалось 14 автономных внутригосударственных административно-территориальных единиц. К началу 2000-х годов таковых было уже более 70²⁷.

Именно эта тенденция этнополитической реальности будет, скорее всего, нарастать, и ее последствия неоднозначны. Спектр возможных результатов определяется от «чуда межгрупповой гармонии» в Швейцарии до «федеративного кризиса» в Бельгии. Классическими примерами успешного решения национального вопроса в условиях компактного проживания этнокультурных меньшинств на значительных (по европейским масштабам) территориях являются Финляндия и Дания. Эти страны еще в первой половине XX века предоставили широкую автономию, соответственно, Аландским островам, Фарерам²⁸ и Гренландии²⁹.

²⁷ *Autonomy* / Ed. By Suksi M. – M Hague ets., 1998. – P. 344–345.

²⁸ Фарерские острова, Фареры (фар. Føroyar, Ферьяр, «Овечьи острова»; дат. Færøerne; норв. Færøyene; др. исл./исл.: Færeyjar) – группа островов в северной части Атлантического океана между Шотландией (Шетландскими островами) и Исландией. Они являются автономным регионом Королевства Дании. С 1948 г. Фарерские острова самостоятельно решают практически все государственные вопросы, за исключением обороны и внешней политики.

²⁹ Гренландия – остров, омываемый Атлантическим и Северным Ледовитым океаном.

Различные формы автономий имеются и в других европейских государствах. Так, по Конституции 1948 года в Италии все области являются автономными, пять из которых имеют особый статус расширенной автономии (к примеру, Сардиния, Сицилия, Южный Тироль). После Франко Испания вначале предоставила Каталонии и Стране Басков статус автономных провинций. Затем этот статус был закреплен за всеми территориями, включая Галисию³⁰. В результате конституционной реформы, инициированной лейбористами, в 1997 году унитарная Британия предоставила автономию Шотландии и Уэльсу.

Однако, по мнению многих экспертов, территориальная автономия не всегда является эффективным решением национального вопроса. У нее есть много плюсов, но и много минусов. Ахиллесова пята такой автономии – действие значимых коллективных прав и преференций для определенных этнокультурных групп на закрепленной территории. Проживая за пределами автономии, титульный этнофор не имеет возможности использо-

Площадь острова – 2 130 800 км², он крупнейший на Земле. Остров принадлежит Дании и входит в ее автономную единицу Гренландия. С 1 мая 1979 г. стала самоуправляющейся частью королевства Дания, сменила многие наименования на эскимосские и официально называется Калатдлит-Нунат. Коренное население – инуиты (гренландские эскимосы).

³⁰ По сути «государство автономий» Испании – специфическая форма административно-территориального устройства полиэтнической страны, когда идет процесс децентрализации государства, перевод многих властных функций государства на регионально-автономный уровень. См.: Шестопап А.В. Решение национальных проблем: опыт Испании // Вестник МГИМО-Университета. – 2011. – № 6. – С. 293; Волкова Г.И. Испания: государство автономий и проблема территориальной целостности. – М.: МАКС Пресс, 2011. – 328 с.

вать свои права или же эти права еще более сужаются. Особо отметим, что в Европе территориальные автономии формально никогда не были этническими в отличие от экстерриториальных автономий³¹. При этом сама корпоративная автономия, построенная по этнокультурному признаку, рассматривается некоторыми экспертами и политиками как проявление расизма и отход от идеалов европейского эгалитаризма³².

Вместе с тем экстерриториальная автономия дополняет региональную, решая одну из проблем территориально-политической системы – невозможность предоставления национально-территориальной автономии некоторым миноритарным этническим группам. В Западной Европе такие автономии в большей степени представлены в Скандинавских странах: Саамские парламенты в Финляндии, Норвегии и Швеции, Северный саамский совет, Шведская народная ассамблея в Финляндии. Успешно представлен на этнополитическом пространстве Центральной Европы Совет национальных меньшинств в Австрии. Указанные национально-культурные автономии имеют по отношению к органам государственной власти лишь представительские и совещательные функции, но обладают широкими полномочиями в решении дел своих общин. Их деятельность имеет значительную финансовую и иную поддержку на государственном уровне.

³¹ Экстерриториальная (корпоративная) автономия восходит к идеям известных теоретиков австрийской социал-демократии К. Реннера и О. Бауэра и легла в основу Брюннской программы. См. подробнее: *Verhandlungen des Gesamtparteiages der Sozialdemokratie Österreichs, abgehalten zu Brünn vom 24. bis 29. September 1899, W., 1899.*

³² Нарочницкая Е.А. Указ. соч. – С. 140.

И все же этнополитика в широком смысле это не только решение национального вопроса в политическом пространстве. Характер межэтнических отношений, особенно в условиях развитых демократий, крайне чувствителен к экономическим и культурным факторам, таким как условия социально-экономического развития территорий проживания этнических меньшинств, уровни доходов и качество жизни этнокультурных групп и др. Этнические миноритарии крайне восприимчивы к языковым и религиозным проблемам.

Вместе с тем нет прямых однозначных зависимостей между указанными экономическими и культурными факторами и уровнем межэтнического согласия или конфликтности. Для того чтобы человек чувствовал себя комфортно в условиях полиэтничного общества, будь он представителем этнического меньшинства или большинства, необходимо не только сочетание позитивных условий политической, экономической, социетальной и культурной среды в совокупности. Межэтнический мир и согласие в любом обществе – результат факторов вчерашнего, сегодняшнего и завтрашнего дня. Даже в условиях комфортного настоящего, но с трудной этнополитической историей (Испания) и неопределенным этнополитическим будущим (Бельгия), трудно добиться межэтнической гармонии.

Европейский опыт показывает, что экономические условия не могут однозначно рассматриваться факторами негативного или позитивного развития межэтнических отношений. Так, У. Коннор в работе «Этнонационализм» приводит много исторических и современных примеров, когда мобилизация под флагом этничности проис-

ходила независимо от экономической ситуации³³.

Фундаментальное исследование американского социолога Т.Р. Гара, проведенное в начале 1990-х годов по статистическим данным о 233 меньшинствах, показало, что не существует сколько-нибудь значительного взаимовлияния между социальным неравенством и дискриминацией, с одной стороны, и сепаратизмом – с другой³⁴. Так, в некоторых экономически неразвитых регионах северо-восточной Англии и южных областях Италии не наблюдается всплесков этнического национализма и экстремизма в отличие от экономически сильных регионов Испании – Страны Басков и Каталонии. Фламандский национализм в Бельгии также развивался на экономическом подъеме Фландрии.

Т.Р. Гар выявил и отсутствие зависимости успеха в решении межэтнических вопросов от характера политического режима. История знает примеры, когда закрытые общества на определенных этапах своего развития успешно решали национальный вопрос – СССР, Югославия, Китай и т. д., а также обратные примеры, когда демократии были бессильны перед этнополитическими вызовами (Корсика, Северная Ирландия, Страна Басков и др.). К распаду социалистической системы в начале 1990-х годов Запад в целом добился меньших успехов в сокращении материальных контрастов между этническими общинами, нежели в устранении политической дискриминации. Причем достижения Запада в этом плане более чем в два раза уступали результатам, полученными коммунистическими режимами³⁵.

³³ См.: Connor W. Ethnonationalism. – Princeton, 1994. – 226 p.

³⁴ Gurr T.R. Minorities at risk. – Wash., 1993. – P. 79–80.

³⁵ Там же. – P. 39.

Сегодня в Европе всплески межэтнической напряженности и провалы в этнополитике в большей степени объясняются в рамках экономически детерминированных двух концептов: теории «внутреннего колониализма» М. Хечтера³⁶ и модели «отсталые против передовых» Д. Горовица³⁷.

Согласно первой системе (концепту), этнические противоречия связаны с неравномерным распределением общественных благ и использованием, как правило, природных ресурсов в ущерб этническим окраинам – противостояние возможностей. Согласно второй системе, противоречия проявляются в случае противостояния результатов – несовпадения этнокультурных групп по уровню образования, качеству жизни, доступу к современным технологиям и т. д.

Немаловажную роль в определении качества этнополитики того или иного государства играет культурная политика по отношению к этническим меньшинствам. И здесь возможны две взаимно не исключающие стратегии:

– сохранение и развитие культурного наследия;

– придание культурным кодам и символам государственного статуса.

В первом случае позитивные результаты политики бережного отношения к культурному наследию миноритарных этносов не решают проблемы маргинализации самой их культуры, в том числе придания ей фольклорных очертаний. Во втором случае происходит качественно более высокое признание культуры этноса, в основном через повышение статуса языка миноритарных этнических групп до государ-

³⁶ См.: Hechter M. Internal colonialism. – L., 1975. – 361 p.

³⁷ См.: Horowitz D. Ethnic groups in conflict. – Berkeley ets., 1985. – VI. – 697 p.

ственного или официального. Классическим примером политического признания языка этнического меньшинства служит Финляндия, где шведский, носители которого составляют 6 % населения страны, является государственным наравне с финским. В Испании каталонский язык признан языком повседневного общения, что не предполагает его превосходства над испанским. Оба языка имеют официальный статус, равнозначны и должны осуществляться параллельно.

Значимым примером неразрывности политических, экономических и культурных аспектов этнополитики на европейском континенте является ситуация с принятием в 2006 году третьего в истории Каталонии Статута (региональной конституции)³⁸. В конце июня 2010 года Конституционный суд скорректировал некоторые политические положения Статута, которые имели явно националистический характер. Фундаментальный тезис о том, что Каталония является «нацией», не имеет, согласно решению Конституционного суда, юридической силы, а является констатацией исторических реалий. Судьи КС подчеркнули, что автономный Статут Каталонии также имеет исторические корни, но ни при каких обстоятельствах не может и не должен представлять угрозу для территориальной целостности Испании³⁹.

Значимой тенденцией этнополитических процессов в европейских странах являются и межэтнические отношения, формируемые миграционными процессами: для Англии – это иммигранты из Ин-

дии и Пакистана, для Франции – из Алжира, для ФРГ – из Турции, для Бельгии – из Марокко.

Современный этнополитический дизайн Европы становится все более сложным в условиях глобализации и локализации, неизменными спутниками которых являются миграционные процессы. Согласно данным международной организации по миграции, количество иммигрантов в странах Европейского сообщества колеблется от 4 до 12 % их населения: в Германии – 13,1 %, во Франции – 10,7 %, в Великобритании – 10,4 %, в Италии – 7,4 %⁴⁰.

В качестве ответа на миграционные вызовы европейские страны реализуют в той или иной степени три модели миграционной политики⁴¹:

– изоляционную, когда мигранты рассматриваются как явление временное, и серьезных шагов по их инкорпорации в принимающее общество не предпринимается (Германия, Австрия);

– ассимиляционную, при которой иммиграция воспринимается как постоянное явление, и в силу этого мигрантов пытаются включить в общественные структуры как можно быстрее на условиях принимающей стороны – интеграция становится не только правом, но обязанностью мигрантов (Франция⁴², Италия);

⁴⁰ По данным Международной организации по миграции на 2010 год. www.iom.int

⁴¹ См. подробнее: Апанович М.Ю. Вопросы интеграции мигрантов в Европе // Вестник МГИМО–Университета. – 2011. – № 6. – С. 248–255.

⁴² См. подробнее: Шмелева Н.В. Иммиграционная политика Франции в 2000-е годы: побуждение и принуждение к интеграции // Вестник МГИМО–Университета. – 2011. – № 6. – С. 135–140.

– интеграционную, ориентированную на эффективное включение мигрантов в принимающее общество (Великобритания, Нидерланды, Бельгия, Швеция) – «модель этнических меньшинств», или «модель мультикультурализма».

Однако ни одна из этих моделей не стала универсальной на территории ЕС или же эффективной на территории хотя бы одного государства. И в Испании⁴³, где был принят один из самых либеральных законов о миграции, и в Германии, где введено четкое деление мигрантов на группы и определен социальный статус и преференции для каждой категории⁴⁴.

Таким образом, баланс между правом на культурное отличие и политическое единство – проблема не только современной Европы, но и всех стран сложносоставных обществ, этнокультурная мозаичность которых сегодня значительно усиливается миграционными процессами. Поэтому опыт европейской этнополитики особенно важен для России в силу нашей цивилизационной близости и схожести этнополитических реалий. Как позитивный, так и негативный европейский опыт мы можем критически учесть:

– при исследовании вопросов, относящихся к совершенствованию институтов федерализма и регионализма;

– в становлении институтов национально-культурной автономии;

– в совершенствовании федеральной политики и региональной практики регулирования миграционных процессов;

⁴³ Law on Refugees and Asylum был принят в 1984 г. и гарантировал наибольшие социальные преференции мигрантам, но так и не вступил в силу.

⁴⁴ Integrationsplan («План по интеграции»), принимаемый федеральным правительством ФРГ. См.: Режим доступа: http://www.bundesregierung.de/nm_56708/Content/DE/Publikation/IB/

– в организации работы органов государственной власти и местного самоуправления, а также институтов гражданского общества по управлению межэтническими отношениями и поддержанию этнобезопасности.

Литература

Апанович М.Ю. Вопросы интеграции мигрантов в Европе // Вестник МГИМО–Университета. – 2011. – № 6. – С. 248–255.

Валлерстайн П.М. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – СПб., 2001. – 362 с.

Волкова Г.И. Испания: государство автономий и проблема территориальной целостности. – М.: МАКС Пресс, 2011. – 328 с.

Гаман-Голутвина О.В. Проблема мультикультурализма в Европе // Вестник МГИМО–Университета. – 2011. – № 6. – С. 16–17.

Дробизева А.М. Российская идентичность и толерантность межэтнических отношений: опыт 20 лет реформ // Актуальные проблемы Европы. – 2012. – № 2. – С. 31–45.

Нансо М.Б. Европейский взгляд на проблему защиты этнонациональных интересов и национальной идентичности: к вопросу о продвижении коллективных прав этнических общностей // Современное право. – 2009. – № 6. – С. 120–131.

Нарочницкая Е.А. Этнические конфликты и государство в западноевропейских демократиях // Актуальные проблемы Европы. – 2000. – № 3. – С. 110–135.

Мартинелли А. Рынки, правительства, сообщества и глобальное управление (доклад XV конгрессу. Часть II) // Социс. – 2003. – № 3. – С. 20–29.

Малахов В. Национализм как политическая идеология: учеб. пособие. – М.: КДУ, 2005. – 320 с.

Паин Э.А. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. – М.: Институт социологии РАН, 2004. – 328 с.

- Рамтанси А.* От мультикультурализма – к интеркультурализму // Режим доступа: <http://dialogs.org.ua/ru/cross/page25865.html>.
- Савинов А.В.* Национальный вопрос в Турции // Федерализм. – 2012. – № 2. – С. 135–146;
- Савинов А. В.* Национальный вопрос в Китае: эволюция политики и права // Право и политика. – 2009. – № 1 (109). – С. 44–55.
- Смирнов А.Н.* Этничность и культурный плюрализм в контексте государственной политики // Полис. – 2005. – № 4. – С. 31–45.
- Чем* отличается этнополитический процесс от этнополитических процессов в других странах // А.В. Поляков и др. Россия в зеркале политологии. – М., 2001.
- Шестопал А.В.* Решение национальных проблем: опыт Испании // Вестник МГИМО Университета. – 2011. – № 6. – С. 290–294.
- Шмелева Н.В.* Иммиграционная политика Франции в 2000-е годы: побуждение и принуждение к интеграции // Вестник МГИМО Университета. – 2011. – № 6. – С. 135–140.
- Элейзер Д.Дж.* Сравнительный федерализм // Полис. – 1995. – № 5. – С. 102–121.
- Autonomy* / Ed. By Suksi M. – M Hague ets., 1998. – 345 p.
- Buchanan P.J.* Will the PIGS Blow Up Europe? – Режим доступа: <http://buchanan.org/blog/will-the-pigs-blow-up-europe-4069>.
- Erikson E.* Psychosocial Identity // A Way of Looking at Things / Selector Papers / Ed. by S. Schlein. – N.Y.: W. W. Norton & Company, 1985.
- Ethnic groups and the state* / Ed. By Brass P. – L. ets., 1985. – 323 p.
- Connor W.* Ethnonationalism. – Princeton, 1994. – 226 p.
- Gurr T.R.* Minorities at risk. – Wash, 1993. – 279 p.
- Hechter M.* Internal colonialism. – L., 1975. – 361 p.
- Horowitz D.* Ethnic groups in conflict. – Berkeley ets., 1985. – VI. – 697 p.
- Payton Ph.* Ethnicity in Western Europe today // Ethnicity and democratization in the new Europe. – 427 p.
- Verhandlungen* des Gesamtparteitages der Sozialdemokratie Österreichs, abgehalten zu Brünn vom 24. bis 29. September 1899, W. – 1899.